

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-6-14
УДК 32(045)

Динамика электоральной активности и проблемы консолидации «новых демократий» в посткоммунистических странах Европы

С.Л. Чепель

Финансовый университет;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается динамика электоральной активности граждан посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы в период 2001–2018 гг. как важный индикатор процесса консолидации демократии. На основе сравнительного подхода выявляются различия в поведении избирателей в посткоммунистических и поставторитарных странах, анализируются особенности влияния социального, социокультурного и институционального факторов на электоральное участие в «новых демократиях». Автор отмечает, что основное воздействие на уровень электоральной активности населения оказывает социокультурный фактор, как соотношение в общественном сознании ценностей выживания и ценностей самовыражения. Подчеркивается, что преобладание в культуре посткоммунистических обществ ценностей выживания обусловило преимущественно утилитарное отношение граждан к демократии, что привело к снижению явки на выборы в атмосфере массового разочарования результатами рыночной экономической реформы и сохранению невысокого уровня электоральной активности в последующий период. Отмечается также слабая институционализация политических партий в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, оказавшихся по этой причине неспособными эффективно противодействовать нарастающему абсентизму в рядах избирателей.

Ключевые слова: электоральная активность; консолидация демократии; посткоммунистические «новые демократии»; поставторитарные «новые демократии»; ценности самовыражения; ценности выживания; партийная идентификация

Для цитирования: Чепель С.Л. Динамика электоральной активности и проблемы консолидации «новых демократий» в посткоммунистических странах Европы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(5):6-14. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-6-14

ORIGINAL PAPER

The Dynamics of Electoral Activity and Problems of Consolidation of “New Democracies” In Post-Communist European Countries

S.L. Chepel

Financial University,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

ABSTRACT

The article deals with the dynamics of electoral activity of citizens which comes out as an important indication of the on-going process of consolidation of democracy in the post-communist countries of Central and Eastern Europe in the period from 2001 to 2018. The comparative analysis helps to show the differences in voter's behaviour in post-communist and post-authoritarian countries as well as to point out the peculiar impact of social, socio-cultural and institutional factors on voter turnout in “new democracies”. The author stresses that sociocultural factor considered as a correlation of survival values and values of self-expression in mass conscience exerts the primary influence on the level of participation of citizens in elections. The author emphasised that the prevalence of survival values in the culture of post-communist societies is the primary reason for utilitarian relation of

people to democracy. It, in its turn, contributes to decreasing participation in elections in the conditions of mass disappointment in the results of market economy reforms and low-level electoral activity later on. More to that, weak institutionalisation of political parties in post-communist countries in Central and Eastern Europe proved to be unable to hinder effectively growing absenteeism of voters.

Keywords: electoral activity; consolidation of democracy; post-communist “new democracies”; post-authoritarian “new democracies”; values of self-expression; values of survival; party identification

For citation: Chepel S.L. The dynamics of electoral activity and problems of consolidation of “new democracies” in post-communist European countries. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(5):6-14. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-5-6-14

Стагнация демократической волны, ставшая глобальной политической тенденцией первого десятилетия XXI в., отчетливо проявилась в посткоммунистических странах, где с начала 2000-х гг. наблюдалось последовательное снижение показателя качества демократии. По данным проекта Nations in Transit, осуществляемого Freedom House с целью изучения тенденций развития политических процессов в посткоммунистических государствах Европы и постсоветских государствах Евразии, в 2017 г. впервые с 1995 г. в этой группе стран число консолидированных авторитарных режимов превысило число консолидированных демократий (<https://freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2017>). В 2018 г. в 19 из 29 исследуемых посткоммунистических и постсоветских государств было отмечено снижение показателя качества демократии по всем категориям оценки, таким как демократичность системы правления на национальном и локальном уровне, избирательный процесс, гражданское общество, независимость СМИ, независимость судебной системы, коррупция. А также было зафиксировано наибольшее падение среднего значения показателя качества демократии за последние 23 года реализации проекта (<https://freedomhouse.org/.../nations-transit/nations-transit-2018>). Общая тенденция снижения показателя качества демократии имела определенную субрегиональную специфику. Если его среднее значение с 2008 по 2018 г. в группе посткоммунистических и постсоветских стран снизилось с 0 до -0,32, то в Балканском субрегионе до -0,19, в Евразийском до -0,33, а в субрегионе Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) до -0,40 (<https://freedomhouse.org/.../nations-transit/nations-transit-2018>). На первый взгляд, эти результаты выглядят неожиданными, так как страны ЦВЕ были одними из наиболее успешных участников «третьей волны», сумевших за относительно короткий историче-

ский период пройти путь от мобилизационной диктатуры до стабильной демократии. Однако именно на фоне прошлого успеха тенденция снижения качества демократии проявилась в странах ЦВЕ ярче, чем в государствах Балканского и Евразийского субрегионов, которые в начале XXI в. представляли собой в основном полуконсолидированные демократии, смешанные режимы и полуконсолидированные автократии. Поэтому субрегион ЦВЕ представляется одним из наиболее интересных объектов изучения с целью определения факторов, сдерживающих процесс консолидации молодых демократических режимов. Разделяемое широким кругом исследователей мнение сводится к тому, что стагнация демократической волны демонстрирует ограниченную способность населения стран «новой демократии» успешно адаптироваться к условиям общества открытого типа. «Нужно быть готовым к тому, — писал еще в середине 90-х гг. Ф. Шмиттер, — что эйфория народных масс сменяется шоком понимания того, что падение тиранов не означает чудесного появления бесконечной гармонии и добрых чувств; ...что само по себе пришествие демократии не приносит заодно свободу и равенство, рост благоденствия и справедливость, безопасность и равные возможности, автономию и подотчетность властей» [1]. Но при этом дискуссионным остается вопрос о вероятности трансформации глубокого общественного недовольства правительственной политикой в масштабное разочарование демократией и очередной авторитарный отлив.

В условиях демократии важным индикатором отношения граждан к политической системе является электоральное поведение, характер которого позволяет судить как об уровне легитимности властных институтов, так и о степени институционализации политических партий. Поэтому исследование динамики электоральной активности в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы в период 2001–2018 гг.

является актуальным в плане ответа на вопрос о степени устойчивости режимов «новой демократии» и вероятности их поворота к авторитарной системе либо к использованию отдельных методов авторитарного правления. В статье анализ электоральной активности проводится с использованием электоральной статистики и данных социологических опросов в таких странах ЦВЕ, как Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия. Методологической основой исследования является сравнительный подход, применяемый как с целью выявления различий в электоральном поведении граждан посткоммунистических и поставторитарных «новых демократий», так и с целью определения особенностей динамики электоральной активности в странах, отобранных для изучения. Принципом отбора кейсов выступает стратегия «наибольшего сходства», ограничивающая поле исследования государствами, близкими в плане исторического, экономического, социального и культурного развития, что позволяет сосредоточить внимание на выявлении общего и особенного в их политической эволюции. Действительно, в период существования социалистического содружества страны ЦВЕ отличались от республик СССР более дифференцированной социальной структурой, более высоким уровнем жизни и более гибкой экономической системой. В отличие от политических режимов, возникших на постсоветском пространстве, в этих странах политическая оппозиция играла заметную роль в ходе демократического транзита, который поэтому осуществился либо в виде реформы, либо в виде пакта. Несмотря на то, что переход к демократии в Румынии в некоторой степени напоминал революцию, включение этой страны в число рассматриваемых кейсов вполне оправданно с методологической точки зрения. Как справедливо указывали Т. Карл и Ф. Шмиттер, обращаясь к румынскому примеру, «при более тщательном анализе развития событий в этой стране становится ясно, что, несмотря на отдельные вспышки насилия и стихийную мобилизацию масс, действительный ход транзита и его результаты неизменно оставались под контролем сил, сложившихся внутри старого режима» (<https://www.eui.eu/.../SPS/.../Schmitter/Democratization.pdf>).

Как известно, политические режимы социалистических стран практиковали регулярные парламентские выборы, используя их как средство легитимации власти господствующей партии, идеологического воспитания и политической

мобилизации масс. Участие подавляющего большинства граждан в голосовании за кандидатов от т.н. «нерушимого блока коммунистов и беспартийных» выступало символом безоговорочной поддержки ведущей и направляющей роли партийного руководства страны. После распада коммунистических режимов и проведения учредительных демократических выборов электоральная активность в «новых демократиях» в первой половине 1990-х гг. сохранялась на достаточно высоком уровне, в большинстве случаев — сопоставимом с уровнем «старых демократий». По данным Межпарламентского союза, явка на парламентских выборах, проходивших с 1991 по 1996 г. составляла в Болгарии 83,8%, в Венгрии — 68,9%, в Польше — 52,1%, в Румынии — 76,2%, в Словакии — 75,4%, в Чехии — 76,4%. В этот же период доля граждан, принявших участие в голосовании в ходе парламентских выборах, составила в Великобритании 77,0%, в ФРГ — 78,9%, в Швеции — 86,8% (<http://archive.ipu.org/parline-e/parlinelist.asp>). Главной причиной высокой электоральной активности в начальной фазе демократического транзита стала эмоциональная мобилизация масс, вызванная ростом позитивных ожиданий после распада системы однопартийного правления, дискредитировавшей себя как экономически, так и политически. Эти ожидания в основном были связаны с повышением уровня жизни, увеличением политического влияния общества, гарантией индивидуальных прав и свобод. Характеризуя атмосферу массового социального оптимизма, исследователь гражданского общества в посткоммунистических странах Европы М. Ховард подчеркивал, что «несмотря на страхи и неопределенность относительно того, куда эти изменения заведут, большинство пережили, по крайней мере, краткий миг искреннего волнения, надежд и идеализма в это время быстрой трансформации» [2, с. 44]. Однако в дальнейшем преобладающей тенденцией политического развития «новых демократий» Центральной и Восточной Европы становится снижение явки на выборы. Более чем за 25 лет посттоталитарного развития, начиная с 1991 г., электоральная активность в Румынии упала на 37%, в Болгарии — на 30%, в Чехии и Словакии — на 16%, в Польше — на 1% и только в Венгрии выросла примерно на 1% (<http://archive.ipu.org/parline-e/parlinelist.asp>). Что же касается периода 2001–2018 гг., то, как следует из *табл. 1*, сокращение участия в голосовании было особенно резким в Румынии и Болгарии, заметным в Сло-

Таблица 1 / Table 1

**Явка на парламентские выборы в период 2001–2018 гг., % от числа имеющих право голоса) /
Turnout in the parliamentary elections in the period 2001–2018, % of the number of voting right**

Страна / Период	2001–2003	2004–2006	2007–2010	2011–2014	2015–2018
Болгария	67,3	55,7	60,9	50,5	54,0
Венгрия	70,5	67,5	64,3	60,5	69,6
Польша	46,2	40,4	53,8	48,9	50,9
Румыния	65,0	58,4	39,2	41,7	39,4
Словакия	69,9	54,6	58,6	59,1	59,8
Чехия	58,0	64,4	62,5	59,4	60,7
Аргентина	75,0	70,9	72,2	76,3	76,8
Бразилия	69,0	74,0	81,3	80,7	79,8
Эквадор	64,0	63,5	75,7	80,8	81,7
Великобритания	59,3	61,4	65,4	66,1	68,8
ФРГ	79,0	77,6	70,7	71,5	76,1
Швеция	80,1	81,9	84,6	85,8	87,1

Источник / Source: IFES Election Guide (<https://www.electionguide.org/>); IPU PARLINE database on national parliaments (<https://www.archive.ipu.org/parline-e/parlinelist.asp>).

вакии. В Венгрии и Чехии явка на парламентские выборы практически не изменилась, а в Польше повысилась.

Снижение электоральной активности в посткоммунистических странах принято объяснять глубоким разочарованием населения в результатах реформ, оказавшихся далекими от социальных ожиданий. Как отмечала в частности испанский политолог К. Гонсалес-Энрике, «потеря интереса к участию в выборах вполне очевидно связана с чрезвычайно сильным недовольством функционированием новых демократий в большей части стран Восточной Европы» (https://www.persee.fr/doc/reseo_0330-0599_1996_num_27_3_2798). Действительно, за переход к рыночной экономике посткоммунистические общества заплатили высокую социальную цену, прежде всего, в виде резкого снижения реальных доходов населения. Перевод экономики на рельсы рыночного развития, а также распад системы экономического сотрудничества социалистических стран, который привел к потере части рынков сбыта продукции, вызвали значительное падение производства и занятости. Но даже преодоление со временем трансформационного спада в экономике не могло привести к быстрому росту общественного благосостояния. Характеризуя социальную ситуацию в странах

ЦВЕ, И. С. Яжборовская вполне оправданно отмечает, что «если в течение 90-х гг. большинство трудящихся ожидали от рынка благосостояния, то в начале XXI в. мифологемы этого ряда остались в прошлом» [3, с. 216]. При этом все же необходимо подчеркнуть, что острые социальные проблемы, неудовлетворенность деятельностью правительств испытывали не только посткоммунистические, но и поставторитарные демократизирующиеся общества, составляющие мировую экономическую периферию. Тем не менее, здесь, в отличие от посткоммунистических стран, не наблюдалось резкого падения электоральной активности, и с 1991 г. показатели участия населения в голосовании демонстрируют относительную стабильность. В таких типичных поставторитарных государствах Латинской Америки как Аргентина, Бразилия, Эквадор, долгое время находившихся под властью военных диктатур, явка на парламентские выборы в периоды 1992–1994 гг. и 2015–2018 гг. составила 79,7 и 76,8%; 82,2 и 79,8%; 73,0 и 81,7% соответственно (<http://archive.ipu.org/parline-e/parlinelist.asp>), (www.electionguide.org). Таким образом, за четверть века активность избирателей снизилась в Аргентине на 2,9%, в Бразилии — на 2,4% (т.е. незначительно), а в Эквадоре даже выросла на 8,7%. Что же касается периода 2001–2018 гг., то,

как следует из *табл. 1*, явка на парламентские выборы в этих странах не снизилась, а выросла, сравнявшись с уровнем зрелых демократий.

Различия в динамике электоральной активности в посткоммунистических и поставторитарных «новых демократиях» во многом были обусловлены фактором предшествовавшего социально-экономического и политического развития. После начала демократического транзита правительства большинства посткоммунистических государств столкнулись с необходимостью осуществления одновременного перехода к рыночной экономике, к открытому обществу и к многопартийности. Очевидно, что такая тройная трансформация стала тяжелым испытанием для населения бывших социалистических стран. В этом плане историческое преимущество многих поставторитарных государств заключалось в том, что приоритетной задачей их режимной трансформации являлась политическая демократизация, так как основы экономики свободного рынка и гражданского общества были заложены в ходе предшествующего развития. Социальным следствием рыночной реформы в посткоммунистических странах стала маргинализация широких слоев населения, значительное увеличение доли бедных, нарастающая имущественная дифференциация, т.е. все то, что воспринималось преобладающим в обществе эгалитарным сознанием как несправедливость, разрушающая основы социальной солидарности. Застойный характер приобрела безработица в результате закрытия убыточных производств, оптимизации численности занятых на приватизированных предприятиях, сокращения служащих в государственных учреждениях. На протяжении большей части периода 2001–2018 гг. во всех посткоммунистических странах ЦВЕ проблема занятости продолжала оставаться довольно острой. По данным Всемирного Банка, в 2001 г. особенно высокий уровень безработицы наблюдался в Болгарии — 19,9%, Польше — 18,3%, Словакии — 19,3%, более низкий в Чехии — 7,9%, Румынии — 6,5%, Венгрии — 5,6%. В дальнейшем доля незанятой рабочей силы медленно сокращалась, но еще в 2015 г. она составляла в Болгарии 9,1%, в Польше — 7,5%, в Словакии — 11,4%, в Чехии — 5,0%, в Румынии — 6,8%, в Венгрии — 6,8% (<https://data.worldbank.org/indicator/sl.uem.totl.zs>). Как известно из социологии, следствием безработицы всегда становится социальное отчуждение как невозможность, а в дальнейшем и неспособность граждан систематически включаться в общественную

жизнь. В политическом измерении социальное отчуждение означает отсутствие у людей материальных, информационных, психологических ресурсов, необходимых для активного участия в политическом процессе. Казалось бы, несбывшиеся ожидания должны были подтолкнуть «проигрывающие» социальные группы к активным политическим действиям протестного характера. Однако, как справедливо отмечает М. Ховард, обращаясь к проблеме «инфляции ожиданий» в посткоммунистических странах, «на самом деле подтверждается другая гипотеза относительно того, что те, кто явно разочарован, более склонны к фрустрации, пассивности и отказу от активной гражданской позиции» [2, с. 123]. Иными словами, ощущение собственной социальной беспомощности и убежденность в том, что политические элиты игнорируют их интересы, ведет к потере веры «проигравшими» в то, что участие в голосовании на выборах может изменить их положение к лучшему.

В отличие от посткоммунистических стран, поставторитарные общества, имевшие продолжительный опыт капиталистического развития, обладали большей адаптивностью к постоянным колебаниям конъюнктуры свободного рынка. К тому же сложившаяся четко дифференцированная социальная структура, ясное осмысление массовым гражданином своей социально-групповой идентичности способствовали адекватному исполнению им роли относительно активного избирателя. По данным Всемирного Банка, в начале 2000-х гг. в поставторитарных странах также имел место довольно высокий уровень безработицы. Так, в 2001 г. он достигал в Аргентине 17,3%, в Бразилии — 9,3%, в Эквадоре — 10,7%. В последующий период безработица сократилась, но в 2015 г. ее уровень составлял в Аргентине 7,1%, в Бразилии — 8,4%, в Эквадоре — 3,6% (<https://data.worldbank.org/indicator/sl.uem.totl.zs>). Тем не менее явка на выборы в первой половине 2000-х гг. оставалась достаточно высокой, практически не снижалась, а в дальнейшем даже выросла. С этой точки зрения, можно точнее оценить различия в электоральной динамике в рассматриваемых посткоммунистических государствах. Те из них, которые еще в период социализма предприняли попытки реформирования своих экономических систем в направлении либерализации ценообразования и частичного отказа от централизованного планирования производства оказались лучше подготовлены к проведению масштабной рыночной трансформации,

в том числе и потому, что население обладало некоторыми навыками существования в условиях гибкой экономической конъюнктуры. Прежде всего, речь идет о Венгрии, где в результате реформы 1968 г. началось постепенное движение от административно-командной системы управления экономикой к системе рыночной экономической регуляции. На рубеже 70–80-х гг. XX в. реформа, направленная на внедрение элементов рыночной экономики в сельском хозяйстве, промышленности и торговле была предпринята и в Польше. Думается, что не слишком высокие, но стабильные показатели электоральной активности, наблюдавшиеся в Венгрии и Польше на протяжении всей их посткоммунистической истории с 1991 г. стали проявлением рациональной политической культуры общества, которая во многом сформировалась под влиянием опыта жизни в условиях хотя и ограниченной, но все же реальной экономической и социальной свободы. В других же странах ЦВЕ в социалистический период продолжала существовать высоко централизованная директивная экономическая система, блокировавшая развитие частной экономической инициативы, а значит и становление рационального рыночного мышления. Именно его дефицитом, прежде всего в таких странах как Болгария и Румыния, можно объяснить завышенные ожидания начального этапа посткоммунистического развития, вылившиеся сначала в стремительный подъем, а затем не менее резкий спад электоральной активности в атмосфере нарастающего социального разочарования. Что же касается Чехии и Словакии, то курс на построение более открытого общества, предпринятый правительством еще в период существования единого социалистического государства, был, как известно, прерван в 1968 г. вводом войск государств — членов Варшавского договора. Рыночная экономическая реформа стартовала в Чехословакии только после распада тоталитарной системы в 1989 г., и общество оказалось недостаточно готово к адекватному восприятию рыночных экономических преобразований и их социальных последствий, что проявилось в существенном спаде явки на выборы.

Отмечая роль фактора «шока трансформации» в сокращении явки на выборы, необходимо все же признать, что по мере адаптации населения посткоммунистических стран ЦВЕ к социальным издержкам рыночной экономики, его влияние на политическое поведение последовательно сокращалось. Из этого следует, что более существенное

и долговременное воздействие на динамику электоральной активности оказывал фактор ценностных ориентаций, которые, сформировавшись еще в условиях тоталитарного режима, продолжали сохраняться в политической культуре посткоммунистических обществ. Поэтому можно согласиться с тем, что «заметные различия в характере электорального участия, как и политического участия в целом, отразили культурно обусловленное расхождение в оценках граждан посткоммунистических и поставторитарных «новых демократий» значения демократии для общества и отдельной личности» [4]. Сравнительный анализ траекторий режимных трансформаций в странах «третьей волны» демократизации позволяет сделать вывод о том, что успех в деле консолидации «новых демократий» был во многом связан со степенью распространения в общественном сознании ценностей самовыражения. Ведь устойчивая поддержка процесса демократизации возможна лишь при условии внутренней убежденности широких слоев населения в том, что демократическое политическое устройство ценно само по себе, так как выступает гарантом политических прав и гражданских свобод, которыми общество дорожит. Падение явки на выборы после непродолжительного периода подъема общественно-политической активности в начале демократического транзита свидетельствовало об ограниченном проникновении ценностей самовыражения в культуру посткоммунистических обществ. Обращаясь к этой проблеме, Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечали, что «разочарование первыми результатами перехода может привести к ослаблению поддержки демократии, если она не закреплена в сознании людей ценностями самовыражения» [5, с. 180]. Действительно, партийная мобилизационная идеология и жесткий государственный контроль как средства политического управления, использовавшиеся предшествующим режимом, подавляли любые проявления свободы личности. Не меньшим препятствием на пути распространения ценностей самовыражения стал низкий уровень общественного благосостояния, как результат неэффективной административно-командной социалистической экономики. Экономический кризис периода рыночной трансформации лишь усилил влияние на политическое поведение граждан ценностей выживания. Следствием их преобладания в культуре посткоммунистических обществ явился преимущественно утилитарный характер мотивов поддержки демократического

режима, доверие которому тесно увязывалось избирателями с эффективностью правящих элит в деле повышения доходов населения. Но, как показывает история, такая функциональная легитимация властных институтов всегда неустойчива и быстро растворяется в условиях экономического спада. Напротив, курс большинства авторитарных режимов на расширение экономической и социальной свободы личности, как главного фактора успеха процесса экономической модернизации, не мог не привести к некоторому закреплению в культуре общества ценностей самовыражения. Именно с этим связана преимущественно ценностная, а не утилитарная поддержка демократических режимов в поставторитарных странах, где, несмотря на социальные трудности и неудовлетворенность граждан деятельностью правительств по их преодолению, не наблюдалось заметного спада электоральной активности. Подтверждением тому служат примеры рассмотренных поставторитарных латиноамериканских государств, где явка на выборы сохранялась на достаточно высоком уровне на протяжении всего периода демократизации, а с 2001 г. даже росла. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением Р. Инглхарта и К. Вельцеля, о том, что «если разочарование сочетается с широким распространением ценностей самовыражения, эта ситуация, вероятнее всего, даст толчок эффективным массовым противоэлитным акциям» [5, с. 181]. Данная оценка важна и потому, что она помогает выявить особенности электоральной динамики в различных посткоммунистических странах ЦВЕ, которые Р. Инглхарт предложил разделить на западный и восточный типы, как социокультурные категории. По его утверждению, традиции западного христианства в большей степени, чем восточного, способствовали наращиванию темпов экономического роста и повышению общественного благосостояния в странах ЦВЕ в XX в., что сказалось на степени распространения в массовом сознании ценностей самовыражения, а в дальнейшем и предопределило траектории их посткоммунистического развития. Обращаясь к проблеме спада противозэлитной активности в «новых демократиях», Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечают, что «в наибольшей степени он проявился в восточной группе посткоммунистических стран (Болгария, Румыния), где ценности самовыражения особенно слабы, и, напротив, три страны, относящиеся к западной посткоммунистической группе (Венгрия, Польша и Словения), демонстрируют рост противозэлитной

активности, а в трех других (Чешская Республика, Словакия и Восточная Германия) она снизилась незначительно» [5, с. 188]. Конечно, используемое Р. Инглхартом и К. Вельцелем понятие «противозэлитная активность» охватывает политическое участие в целом, включая его электоральную и неэлекторальную формы. Тем не менее, выделенные авторами тенденции развития противозэлитной активности в различных типах посткоммунистических обществ полностью совпадают с динамикой электорального участия в рассматриваемых странах ЦВЕ. Как было показано выше, наибольшее сокращение явки на выборы наблюдалось в Болгарии и Румынии, что отразило крайний дефицит ценностей самовыражения в общественном сознании. В то же время в Венгрии и Польше, обладавших к началу демократического транзита определенным опытом рыночных экономических и социальных реформ, отдельные элементы ценностей самовыражения закрепились в массовой культуре, что обусловило не слишком высокий, но стабильный уровень электоральной активности граждан. Преобладание ценностей выживания над ценностями самовыражения в культуре Чехии и Словакии, в силу противоречивого развития экономических и политических процессов в этих странах в период социализма, проявилось в заметном, но не столь глубоком, как в Болгарии и Румынии, падении явки на выборы.

Помимо социального и социокультурного факторов заметное воздействие на динамику электоральной активности в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы оказал также институциональный фактор. Как отмечал в свое время Г. Алмонд, «выборы могут служить общенациональными уроками гражданского воспитания, где учителями являются партии» [6, с. 114]. Иными словами, условием достижения высокого уровня электорального участия выступает устойчивая партийная система, способная к эффективной мобилизации граждан в качестве избирателей. Для посткоммунистических стран характерна в целом ограниченная степень институционализации политических партий, которая в широком смысле трактуется как признание обществом их значимой роли в процессе функционирования политической системы. Как следует из *табл. 2*, по среднему показателю доверия политическим партиям «новые демократии» в странах ЦВЕ отстают, хотя и не очень сильно, от «старых демократий» Европы.

Но при этом необходимо иметь в виду, что невысокие показатели доверия партиям в странах

Таблица 2 / Table 2

**Доверие политическим партиям в странах Европы в период 2004–2016 гг.
(по шкале от 0 до 10, среднее значение) / Trust in political parties in Europe in the period
2004–2016 (on a scale from 0 to 10, average)**

Страна / Год	2004	2008	2010	2012	2014	2016
Болгария	–	1,7	2,0	1,8	–	–
Венгрия	2,7	2,0	3,1	4,2	3,0	3,6
Польша	1,9	2,3	2,5	2,2	2,0	2,4
Словакия	2,7	3,6	2,7	2,8	–	–
Чехия	2,7	2,9	2,7	2,7	3,4	3,5
Средний показатель «новых демократий»	2,5	2,5	2,6	2,7	2,8	3,2
Германия	3,2	3,5	3,4	3,8	3,9	4,2
Великобритания	3,7	3,6	3,5	3,7	3,5	3,8
Швеция	4,4	4,8	5,1	4,9	5,1	4,8
Средний показатель «старых демократий»	3,8	4,0	4,0	4,1	4,2	4,3

Источник / Source: European Social Survey. Data and Documentation. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org>.

Запада связаны с индивидуализацией политического поведения граждан под влиянием постматериалистических ценностных ориентаций. В странах же «новой демократии» в массовом сознании преобладают ценности материалистические, что укрепляет коллективистские настроения и косвенно должно способствовать сплочению избирателей вокруг партий, как руководителей борьбы за социально-экономические интересы. Причины относительной слабости института политических партий в посткоммунистических странах ЦВЕ следует искать в недавнем прошлом. Социально-политические размежевания, которые легли в основу партийных систем стран Западной Европы, получили ограниченное партийное выражение в странах Восточной и Центральной Европы в силу более позднего вступления в процесс модернизации. Политические партии, которые все же возникли в первой половине XX в. и частично возродились после окончания Второй мировой войны были практически полностью ликвидированы в ходе становления тоталитарных режимов. Можно сказать, что в ходе демократического транзита история политических партий в посткоммунистических странах ЦВЕ началась фактически с чистого листа, и политическая демократизация не привела к появлению стабильных партийных систем. Как точно заметил

в этой связи К. Лоусон, «посттоталитарная оттепель позволила восстановить демократические институты, но не возродила старые партии или старые деления» [7, с. 52]. Нестабильность поддержки партий избирателями была обусловлена также масштабной социальной маргинализацией в результате перехода к рыночной экономике. Однако и возникновение более структурированного электорального поля по мере преодоления последствий трансформационного кризиса не принесло значительного укрепления партийной идентификации граждан посткоммунистических государств ЦВЕ. По данным проекта «Европейское социологическое исследование», в 2016 г. о том, что определенная политическая партия им особенно близка, заявили в Венгрии 41% граждан, в Польше — 29%, Чехии — 35%, а в Германии — 55%, в Великобритании — 51%, в Швеции — 63% (<https://www.europeansocialsurvey.org>). Следовательно, можно утверждать, что действующие партии, не обладая весомым потенциалом общественного доверия и не располагая устойчивым собственным электоратом, не в состоянии эффективно противостоять росту абсентеизма в рядах избирателей.

Таким образом, динамика электоральной активности свидетельствует о том, что дефицит ценностей самовыражения в массовой культуре

остаётся основным фактором сдерживания процесса консолидации демократии в посткоммунистических странах ЦВЕ. Поэтому нельзя исключать, что ухудшение социально-экономической ситуации способно вызвать дальнейшее снижение качества демократии в этой группе стран.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шмиттер Ф.К. Угрозы и дилеммы демократии. URL: old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-2.htm.
2. Ховард М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М.: Аспект Пресс; 2009. 191 с.
3. Яжборовская И.С. Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы. М.: Academia; 2008. 378 с.
4. Чепель С.Л. Политическое участие и проблемы консолидации «новых демократий» в посткоммунистических странах Европы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017;7(6):61.
5. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство; 2011. 464 с.
6. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс; 2002. 537 с.
7. Cleavages, Parties and Voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland and Romania. Lawson K. et al., eds. Westport, etc., 1999.

REFERENCES

1. Shmitter F.K. Dangers and Dilemmas of Democracy. URL: old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-2.htm. (In Russ.).
2. Howard M. The Weakness of Civil Society on Post-Communist Europe. Moscow: Aspekt Press; 2009. 191 p. (In Russ.).
3. Yazhborovskaya I.S. Globalization and transformation experience in Central and South-Eastern Europe Countries. Moscow: Academia; 2008. 378 p. (In Russ.).
4. Chepel S.L. Political Participation and the Problems of Consolidation of new democracies in Post-Communist countries of Europe. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2017;7(6):61. (In Russ.).
5. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence. Moscow: Novoe izdatelstvo; 2011. 464 p. (In Russ.).
6. Almond G., Powell G., Strom K., Dalton R. Comparative Politics Today: A World View. Moscow: Aspekt Press; 2002. 537 p. (In Russ.).
7. Cleavages, Parties and Voters: Studies from Bulgaria, the Czech Republic, Hungary, Poland and Romania. Lawson K. et al., eds. Westport; 1999.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Львович Чепель — кандидат исторических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет; доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ChepelSL@mpei.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey L. Chepel — Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Political Science and Mass Communications, Finance University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ChepelSL@mpei.ru

Статья поступила 01.04.2019; принята к публикации 05.05.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 01.04.2019; accepted for publication on 05.05.2019.

The author read and approved the final version of the manuscript.